

Страшная цена Великой Победы

1941 г. 22 июня. Пробуждение было ужасным: вой бомб, разрывы, стоны раненых... В 4 утра немцы нанесли удар по немецкой колонии Люстдорф в 25 км от Одессы. Там находился пионерлагерь, в который я впервые попал как отлично окончивший 3 класса. Здесь же, в 100 м за забором, располагались прикрывающие город с моря зенитные батареи. По ним, не без наводки колонистов, и ударили бомбардировщики. Так для меня, задолго до выступления Молотова и речи Сталина, началась Великая Отечественная... Днем за нами приехали первые родители и через пару часов лагерь опустел.

У нас была большая семья (12 человек). Муж моей тетки – прокурор города, комсомолец ленинского призыва, сразу ушел на фронт. «Не горюйте, – заверил он нас. – Несколько месяцев – и мы встретимся...» Резкий диссонанс – проводы друга нашей семьи, директора Дома ученых. Это человек большой эрудиции и военного опыта, прошедший финскую и польскую кампании. Он осторожно дал понять, что война – не на один год, что немцы, возможно, дойдут до Волги, и что нам, семье русских интеллигентов (мои деды были высшими офицерами царской армии, а тетка – депутатом горсовета), нельзя оставаться в оккупации...

В Одессе нас осталось девять человек: шесть женщин, двое детей и мой отец, инженер-судостроитель, имевший бронь. Первый месяц войны прошел спокойно: ни одного налета. И даже грустные сводки информбюро не огорчали: «любимый город может спать спокойно», как пелось в популярной тогда песне...

Началась эвакуация. У отца было много друзей в порту, и он устроил двух женщин и моего пятилетнего брата на небольшой теплоход «Пестель». Их высадили в Мариуполе, затем перевез-

ли в Сталинград. Здесь они в 1942 г. погибли под бомбежкой... Четыре женщины, взяв с собой лишь легкие сумки, ушли из города пешком. Затем был переезд через всю страну до Алма-Аты. В 1942 г. трое из них умерли с голоду, а тетка переехала в г. Красноярск, где работала труппа Одесского и Днепропетровского оперных театров.

Вечером 22 июля на Одессу был совершен первый серьезный налет. Центр не бомбили (немцы давно пообещали румынам город «в подарок», как центр будущей Транснистрии...). Досталось районам, где были дома отдыха, превращенные в госпитали. Наш дом с разных сторон накрыли четыре пятисотки. Он устоял, но меня засыпало обломками на лестнице в подвале, где мы прятались...

Следующий месяц был значительно более серьезным. Вокруг города сомкнулось кольцо осады, он лишился основных источников водоснабжения и Днестра и Буга. В августе, кроме продуктовых карточек нам выдали карточки на воду, которую брали из-под города, из засоленного понтического горизонта. За водой приходилось стоять по несколько часов у городских фонтанов. Однажды я вернулся с пробитыми ведрами – нашу очередь расстрелял из пулеметов вражеский истребитель... Затем румыны вышли на северный берег Одесского залива и начались артиллерийские обстрелы, от которых мы могли укрываться в катакомбах под городом... Как все радовались, когда на Жеваховой горе был высажен десант и моряки провезли по городу гаубицу с надписью: «Стреляла по Одессе. Больше не будет...»

Но положение продолжало ухудшаться. Город начал готовиться к вражескому штурму, на улицах возводили баррикады. На разборку мостовых, сложенных из гранитных плит Побужья и бло-

ков лавы Везувия, которые привозили парусные корабли, как балласт по разнарядке поднимали население. А мы, дети, насыпали песком, привезенным с пляжей, огромные мешки. Норма – 20 мешков на человека...

Отец отказался от брони и был вывезен в Керчь для переобучения на артиллериста. Меня с матерью он поручил своему другу, и тот устроил нас со скромным скарбом на огромный сухогруз «Курск». Из Одессы уходили в утреннем тумане, прорываемом сполохами орудий крейсера «Коминтерн» – иначе из порта не выйти.

Двигались мы медленно: «Курск» буксировал в Севастополь плавучий док, груженный паровозами, уже бесполезными в Одессе, но нужными в Крыму... Почти непрерывно нас атаковали самолеты. Команда отбивалась из нескольких зениток, установленных на баке и на кормовой надстройке. Под Севастополем караван атаковала подводная лодка. Прямо на нас с матерью, стоящих у правого борта, идет торпеда... Вдруг из-за кормы вырывается сторожевик и подставляет себя под удар... Нас окатывает смерч соленой воды. Спасенных нет...

Заведя док в Севастополь, «Курск» быстро прибыл в Новороссийск. На борт поднялся грузчик. «Дяденька, у вас тут не бомбят?» – спросил я. «Не волнуйся, сынок, у нас тихо», – ответил он. Мы сошли на пирс, и через несколько минут завывли сирены... Это был один самых страшных налетов, пережитых мною. Свист бомб, разрывы, щелканье зениток, падающие горячие осколки, которые мать палочкой сбрасывает с вещей... И негде, совершенно негде укрыться...

На следующее утро нас погрузили в эшелон и увезли за Краснодар. Учебный год моя мать, математик высшей школы, начала в неполной средней школе

с.Еленовка. Приходилось привыкать к сельскому быту, к четырем человекам в классе, и, самое страшное, к заиканию: после контузии в Одессе и бомбежки в Новороссийске я практически потерял речь. Врач в станице Усть-Лабинская «обнадежил» мать: «Ни говорить, ни жить он не будет...» Я слышал это из-за дверей и подумал: «Нет уж, буду!» Последующие несколько лет для меня были годами непрерывной борьбы с этим диагнозом.

Немцы взяли Таганрог и возникла угроза Закавказью. Началась мобилизация на рытье окопов и сушку зерна в элеваторах. Нам, «выкуренным», как называли нас местные жители, был один путь – уезжать. Мать заболела, и в военкомат я ходил сам. Военком предложил нам «литер» (право на проезд) в Азербайджан, в Нуху и Кировобад. Моих литературно-географических знаний хватило, чтобы выбрать город, где похоронен Шамиль...

И вот мы опять в эшелоне. Пересадка в Армавире (где у меня на вокзале украли все наши документы...), в Махачкале (где мать свалилась с температурой под 40°), в Баку (где опять попали под первую бомбежку), в Евлахе. За нами присылают две полуторки, и мы едем в ночь... Утром перед нами поднимаются горы. Казалось бы, выше некуда, но вот новый поворот – и горизонт венчают снежные хребты...

1942 г. Новый год встречаем в школе зерносовхоза им. Орджоникидзе. Первая радость – разгром немцев под Москвой. Письмо и денежный аттестат от отца – воюет в Севастополе... Ведем «сельскую жизнь» – работаем на току, спасаем урожай (собираем «клопа-черепашку», которого в это лето было особенно много...), затем помогаем убирать его. Последние письма отца. В конце года – переезд в Нуху.

1943 г. В мае мать внезапно скончалась от общего туберкулеза. В военкомате получаю литер на проезд Нуха-Баку-Красноводск-Ташкент-Новосибирск-Красноярск и «рабочую карточку» на 500 г. хлеба на месяц. Продаю ценные вещи (самое «ценное» – 6 ложек-фроже...) и в путь. Через 1,5 месяца я добрался до тетки в Красноярске... Она была все время в разъездах, три раза выезжала на фронт в составе концертных бригад. Днем – дежурства в госпитале, учеба на курсах при военкомате: знакомство со стрелковым оружием, с минным делом, с уставами. Надо готовиться, может, и нам еще придется воевать... Но, чтобы выжить, – надо работать. И женсовет театра устроил меня осветителем (по возрасту без оформления) за хлебную карточку...

1944 г. Освобождена Одесса. Театральный эшелон два месяца тянется по стране. Вот и разоренная Украина. Опять ночью – затемнение, дежурства, бесконечные стоянки на полустанках, пропуск военных эшелонов. Наконец – Одесса! И последняя сильно пострадал оперный театр и центр города... Поступаю в школу, в 6-й класс. Основная проблема – заикание и... украинский язык, от которого я отвык в эвакуации. Обязательные выезды в село на уборку урожая.

1945 г. День Победы в Одессе – акация в цвету, объятия на улицах, стрельба в воздух из всех видов оружия. Цена победы для нашей семьи – десять жизней...

В.Н. ДУБЛЯНСКИЙ,
профессор кафедры
инженерной геологии и
охраны недр